

Доненко, Демьян Демидович

Украина, Днепропетровская область

Февраль 2005 г.

(с сокращениями)

Уважаемые дамы и господа!

Я пережил страх немецкого плена в период с мая 1942 по апрель 1945 гг. Я участвовал в сражениях в Крыму, попал в окружения и потом в плен, вместе с многими другими. Вскоре нас отправили в Белую Церковь под Киевом. Самое позднее в этом лагере каждому стало понятно, что нас ожидает. Возле барачных помещений останавливалась повозка с деревянными ящиками, в которых была баланда. Тем, кто не был достаточно быстр, немедленно доставались «подарки» в виде ударов дубинками немецкой охраной. Рядом, в подвалах, были размещены еврейские семьи, которым было еще хуже, чем нам. Когда они выходили из подвала, чтобы получить еду, их начинали бить. Они уклонялись, старались как можно скорее схватить баланду и побежать назад. Немцы били их по головам, спинам, рукам, выбивали посуду с баландой. Иногда посуда падала на землю, но человек, нагнувшись, бежал дальше, чтобы спастись в подвале.

Затем нам перевели на Западную Украину, в г. Дрогобыч. Там стояла тюрьма, построенная еще во времена Николая, 10 или 12 зданий. В каждом здании разместили до 1.000 человек. На каждом этаже стояли по два солдата, которые били отстающих при входе и выходе из помещения, тем самым повышая скорость. Один раз в день распределялась еда, баланда и кусок хлеба. Там тоже стояли двое солдат и били нас при малейшей заминке. Однажды произошло следующее. Подошла моя очередь. Я уже протянул руку за моей порцией, как мой кусок выпал. Стоящий на раздаче хотел наклониться и подать мне кусок. Я остался стоять, замешкался и получил такой сильный удар по правому плечу, что потерял не только хлеб, но и сознание.

Из Дрогобыча нас отправили в Германию, в лагерь Зенне. Выгрузили в центре соснового леса. Там я провел где-то 10 дней, тоже пришлось многое пережить. Охранники лагеря гоняли нас несколько раз в день на переключку. Если ты хоть малейшее делал не так, получал удары. Самое неприятное издевательство было во время мытья. Каждый должен был отдать одежду на дезинфекцию. Потом нас заводили в комнаты, где на скамейках лежали лезвия, некоторые были совсем тупые. Мы должны были сбрить волосы по всему телу. Потом мы шли мыться. На выходе контролировали, хорошо ли мы все выбрили. Если еще оставались волосы, отправляли обратно, а ведь некоторыми лезвиями ничего нельзя было побрить. В душевой было 5 душевых рожков. Запускали по 20-25 человек. Вода поступала на очень короткое время. Затем толстый полуголый армянин (только в подштаниках и сапогах) орал «На выход!» Кому-то доставалось резиновой дубинкой по голой спине. Некоторые были намыленные, но еще не успели смыть мыло. Они медлили, старались дотянуться до воды и помыться. Тогда на помощь надзирателю приходили двое полицейских. Из душевой нас выгоняли прямо на улицу. Мокрые и голые, мы должны были ждать свои дезинфицированные вещи. Иногда это продолжалось по часу-два.

Однажды наш блок построили на переключку. Двое в гражданской одежде выбрали из нас десятерых, в том числе и меня. Все мы были молодые ребята, которые еще не успели обессилить из-за недоедания. Нас погрузили на грузовик и отправили в новый лагерь, примерно на 300 человек. Там уже были 40 человек из нашего лагеря. С нами получилось 50. Мы полностью заполнили один барак. Возле него стояли 5 других. Еще была кухня и туалет. За колючей проволокой, возле входа, располагалась комендатура. Там же жили солдаты, ответственные за охрану и порядок в лагере.

На следующий день мы все были построены в ряд. Комендант приказал следовать за мужчиной в гражданском. Его звали Юлиус, лет ему было где-то 50. Он привел нас к узкоколейке недалеко от лагеря. Мы загрузились в маленький поезд с одним вагоном, в котором были скамейки на 10 человек. Юлиус сел к машинисту. Через поля и деревни мы доехали до торфяных разработок. Там я проработал год. Изо дня в день, кроме воскресенья, Юлиус забирал нас утром и вечером доставлял обратно в лагерь. Мы работали в основном лопатами, очищая торф от глины и песка. Мы удаляли верхний слой и оставляли тот слой, где уже был сам торф. Были и другие задания. Рельсы узкоколейки приходилось иногда двигать, чтобы бульдозеру было где развернуться. Из-за этих частых перемещений страдали крепежи рельсов, что приводило к остановке производства. Тогда нам приходилось на ветру, при любой погоде, по колено в грязи, носить на плечах тяжелые рельсы. Обычно переноска осуществлялась на правом плече, а правое у меня болело. Поэтому Юлиус перевел меня на другую работу. Я должен был контролировать работу паровой машины и своевременно добавлять в нее угольные брикеты. Мы очень слабели. К весне 1943 г. из 50 человек в живых оставалось только 17.

Однажды по возвращению с работы мы увидели новоприбывших военнопленных. В лагере было 300 человек. Настроение немного приподнялось. Баланда стала лучше. В ней больше не было исключительно трава. Попадались картошка и ягоды. Если съесть три литра, то голод как-то успокаивается.

Меня поджидало другое несчастье. Кроме плеча, стала болеть и спина. Ежедневно во время построения, перед работой, приходил переводчик и требовал отозваться тех, кто чувствовал себя больным. Нужно было выйти на два шага из строя. В этот раз среди 20 отозвавшихся был и я. Нас отвели в санитарный корпус брикетной фабрики. Я боялся, что меня не освободят от работы. Но врач, осмотрел меня и сказал через переводчика: «Вы немедленно освобождаетесь от работы и переводитесь в другой лагерь. У вас повреждены кости правого плеча и нижней части спины, что осложнено туберкулезом. Требуется длительное лечение. Если вы выживете, то ни в Германии, ни дома более не должны выполнять физический труд». Нас отправили вначале на трамвае, потом пересадили на поезд и довели в лагерь в 35 км от французской границы. Кроме русских в нем находились французы, англичане, поляки и сербы. Еда была раз в день: 200 гр хлеба, баланда или разведенная капуста с несколькими маленькими вареными картофелинами. За проволокой жили французы. Они не ели капусту, они ее собирали и передавали нам, русским. В этом лагере я провел год. Затем 150 тяжелобольных, среди них был и я, посадили в два вагона и отправили в неизвестном направлении.

По слухам, нас должны были отправить в специальных дом для инвалидов, где-то в лесу, где мы должны были умереть от голода. Но во время остановки в Дортмунде наш поезд пострадал от бомбежки. На следующее утро нас нашли обходчики путей. В тот же день нас доставили в ближайший лагерь. 12 марта 1945 г., в 3 часа дня, началась сплошная бомбардировка Дортмунда и лагеря. Не знаю, что стало с городом, но лагерь был полностью уничтожен. Все бараки были разбомблены, люди погребены под обломками. Хотя было только 4 часа дня, но на улице было уже темно. Колючая проволока вокруг лагеря была разорвана. Одна из бомб попала в здание комендатуры и убила всех солдат. Это был большой лагерь, в котором были размещены представители разных национальностей, например, итальянцы. Когда объявляли воздушную тревогу, мы бежали в их часть лагеря и прятались у них в вырытых рвах. Там мы поступили и на этот раз. У меня в лагере было два друга, один киевлянин, другой из Гомеля. У обоих не хватало одной ноги, но они смастерили себе костыли и могли довольно быстро передвигаться. У меня было иначе. Я мог передвигаться только с палкой. Ходил разве что в туалет, а остальное время лежал. После бомбардировки мы переночевали в нашем бараке. Он не обвалился, хотя имел большие дыры в крыше в полу. Я оставался в бараке. Ребята раздобыли еды. Лагерь был разрушен. Охраны больше не было, но не выдавали и еды. Ее приходилось искать самому. Ребята нашли запасы картошки в подвале. Некоторое время мы ей питались. Однажды они притащили ящик шнапса и еще один с каким-то красным алкогольным напитком, и рассказали, что возле лагеря был какой-то цирк, в котором складировался алкоголь, и его разбомбили. Там уже стояли американцы и разрешали давать алкоголь русским.

Так мы прожили полностью одни с 12 марта по 18 апреля. Потом нас забрали. Больных распределили по больницам, здоровых на сборный пункт. В больнице мне по указанию немецких врачей наложили гипс, причем на позвоночник и кости спины. Весь медицинский персонал состоял из немцев. Отношение было хорошим.. Вскоре после этого война закончилась. Наши войска повезли меня прямо в гипсе в Польшу, через нашу оккупационную зону. Это был уже конец 1945 г. Весь 1946 г. я провел в больницах. Потом, с декабря 1946 по сентябрь 1949 гг., находился в учреждении для больных туберкулезом.

В августе 1949 г. с меня сняли гипс и при помощи терапии и массажа поставили на ноги. Я мог передвигаться, правда, только на костылях. Позднее меня выписали из больницы и отправили домой. Моих родителей уже не было. Я поселился у младшего брата.

В сентябре 1950 г. я устроился на работу секретарем директора совхоза. Нужно было все время что-то записывать. Правая рука не всегда меня слушалась. Боль уходила очень медленно. Заниматься физическим трудом я не мог. Вот так и работал секретарем, пока со временем перешел в отдел кадров. Там тоже было достаточно писанины.

В 44 года я начал учиться на заочном в сельхозакадемии. Закончил ее в 1972 г., и стал работать руководителем бригады, которая занималась полем размером в 250 гектар. Так я проработал 13,5 лет.

Моя семья: жена, сын, невестка, двое внуков, одна из которых уже замужем, и четырехлетний правнук Алешка. Сын живет с семьей в Днепропетровске, жена и я в деревне. У меня множество болезней. 60-70% нашей с женой пенсии уходит на лекарства.

Когда солдат вез меня на трамвае, а потом на поезде, в лагерь для больных, я ловил направленные на меня взгляды пассажиров, особенно женщин. Они не были полны вражды или ненависти, скорее сочувствия и сострадания. А как после освобождения обо мне заботились немецкие врачи?! Никто их больных пленных не может их ни в чем обвинить. Я сохранил это в памяти, и буду хранить до конца моих дней.

Можно сказать, что во время немецкого плена у меня были как плохие, так и теплые, человеческие впечатления о людях. Дело было всегда в том, с кем я сталкивался, с нормальными, хорошими людьми, а таких было немало, или с фашистами. Тот солдат, который доставил меня в лагерь для больных, оказался хорошим человеком. Мы стояли на платформе и ждали поезд. Внизу, на рельсах, лежало множество сигаретных окурков и недокуренных сигар. Я хорошо знал цены на табак в лагере и попросил охранника разрешения собрать окурки. Без всяких сомнений он мне это разрешил. Я принялся за дело и набил два кармана окурками. В лагере мне это позволило несколько месяцев лучше питаться. Три щепотки табака обменивалось на четверть дневной нормы хлеба. До того, как попасть в плен, я курил. Но когда я узнал, сколько хлеба нужно отдавать за порции табака, я немедленно бросил курить. Может и это сыграло свою роль в том, что я выжил.

Еще раз благодарю всех, кто помогал в сборе пожертвований. Желаю вам счастья, здоровья и всего хорошего, чтобы мир никогда более не узнал ужасов нацизма. Д. Д. Доненко

